О СЕРЬЕЗНЫХ ОШИБКАХ В ИЗЛОЖЕНИИ ИСТОРИИ КОРЕИ ВО „ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ" ИЗД. АКАДЕМИИ НАУК СССР

КИМ СЭК ХЕН, доктор исторических наук, профессор
КИМ ХИ ИР
СОН ЕН ДЁН

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЛИТЕРАТУРЫ
НА ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКАХ
КНДР, Пхеньян
1963

Академией наук СССР с 1955 года издается десятитомная «Всемирная история». В ближайшее время выйдет ее последний том.

Обобщение на основе марксистско-ленинской методологии истории народов всех стран земного шара и изложение всемирной истории марксистскими учеными является крайне необходимым делом. Только таким путем мы сможем преодолеть в истории народов всего мира все искажения, сделанные учеными колонизаторских стран и реакционными буржуазными историками прошлого и настоящего времени, и правильно изобразить все исторические факты. Предпринятые в прошлом буржуазными историками изложения всемирной истории без исключения состоят из истории отдельных «избранных» стран, сводится к истории агрессоров и эксплуататоров, а не народов. Все они отрицают закономерности общественного развития и изображают развитие данного общества как обусловленное внешними факторами.

Марксистско-ленинские историки, излагающие всемирную историю, безусловно обязаны разоблачать все подобные искажения и фальсификации, строить историю как историю народов, систематизировать общественное развитие как закономерный процесс, обусловленный внутренними фактами, и стоять па справедливой позиции в отношении истории как своей страны, так и других стран. Особенно справедливо и серьезно марксистско-ленинские историки нашего времени должны отнестись к прошлому народов многих стран Востока, подверг-

шемуся наиболее жестокой фальсификации в прошлом со стороны буржуазных реакционных историографов.

Несмотря на это, в изложении истории Кореи во «Всемирной истории» издания Академии наук СССР обнаружены серьезные ошибки, взгляды, противоречащие вышеуказанным основным требованиям марксистско-ленинской историографии, и имеются многочисленные искажения и фальсификации, допущенные вследствие тенденциозности и невежеству авторов в отношении истории Кореи. Мы обязаны отметить ошибки и искажения, допущенные в изложении относительно Кореи, и дать правильное понятие читателям, которые не знают истории Кореи и впервые будут знакомиться с нею в этой книге хотя бы в весьма ограниченном объеме. Поэтому в первую очередь мы намерены отметить некоторые из них.

I

Из серьезных ошибок, допущенных авторами, писавшими о Корее во «Всемирной истории», мы должны отметить прежде всего то, что они игнорировали древнюю историю нашей страны. Древние корейские государства, существовавшие по крайней мере 400—500 лет до н. э., исключены ими по их собственному усмотрению. Как можно так грубо и невежественно относиться к истории?

Что касается древней истории нашей страны, то еще в V — IV веках до н. э. существовало государство Древний Чо- сон, а в III веке до н. э. — государства Пуе, Чин (Махан) и другие.

Первое в истории Кореи государство Древний Чосон было сильным государством, занимавшим обширную территорию бассейна реки Ляохэ и северо-западной части Корейского полуострова.

Китайская книга «Гуаньцзы» (№ I), составленная в IV— III веках до н. э., содержит запись о том, что в VII веке до н. э. был товарный обмен между «Чосон» и китайской страной «Ци» (№ 2). Даже согласно китайским источникам «Шицзи» (№ 3) и «Вэйлюй» (№ 4), Древний Чосон обладал непреложными атрибутами государства не позже V — IV веков до н. э. В них описывается, что в период с конца III века до начала II века до н.э. в нашей стране происходила смена династии и что в предыдущей династии были короли Бу (№ 5) и Дюн (№ 6), а в последующей династии — короли Ман (№ 7) и Угэ (№ 8). Согласно «Ханьшу» (№ 9), в стране существовал писаный закон из восьми статей раннего происхождения. Статьи этого закона свидетельствуют о системе жестоких наказаний и о рабовладельчестве, что позволяет считать Древний Чосон рабовладельческим государством. Согласно этому закону, тот, кто совершил хотя бы мелкое воровство, становился рабом, и он должен был внести большую сумму денег, чтобы уплатить выкуп. И жестокая рабовладельческая система ни в коем случае не позволяла относиться к тем, кто уплатил выкуп, одинаково, как к простому люду.

Итак писаный закон из восьми статей отражает жестокий общественный строй, последовательно защищавший интересы класса рабовладельцев.

Аристократы-рабовладельцы Древнего Чосон для сохранения своего господства обладали упорядоченным государственным аппаратом и мощной армией. Такие чиновные лица, как сан (№ 10), тэбу (№ 11), пакса (№ 12), дянгун (№ 13), выполняли важную службу по укреплению самодержавной власти короля, а аристократы, выдвинутые на государственные чины, получали от государства право владеть определенной площадью земель и властвовать над людьми. Сохранились записи о том, что это государство, обладая сильными вооруженными силами, в начале III века до н. э. вело большую войну с китайским государством Янь, а также о том, что

ранее, в IV веке до н. э. вело подготовку к большому наступлению на Янь в связи с его агрессией, но отказалось от этого вследствие настояния некоего Ре (№ 14), имевшего сан «тэбу».

Если уметь читать китайские исторические книги, то легко можно найти в «Шицзи» тот факт, что в конце II века до н. э. Древний Чосон обладал армией минимально из десятков тысяч человек.

Тот факт, что Древний Чосон был классовым обществом, возникшим на основе развития производительных сил внутри первобытного общества, можно подтвердить и археологическими памятниками, раскопанными в северо-западной части Корейского полуострова. Бронзовый век нашей страны, начавшийся с конца второго тысячелетия до н. э., характеризуется кинжалом формы «бипха» (№ 15). (Прежде его называли маньчжурским кинжалом). Наследники этой культуры перешли к применению железных орудий в VI—V веках до н. э. Созданная ими культура Древнего Чосон демонстрирует высокую технику ковки железа и развитие прикладного искусства, что отнюдь не могло бы быть достигнуто, если классовое общество не начало бы свое существование за несколько веков до н. э.

Вышеуказанные все документальные данные и археологические находки свидетельствуют о том, что в V—IV веках до н. э. Древний Чссон самостоятельно сформировался как древнее государство.

Кроме Древнего Чосон, одно из наших древних государств Пуе сформировалось в III веке до н. э. В частности, согласно китайской исторической книге «Саньгочжи» (Троецарствие), написанной во второй половине III века н. э., в Пуе существовали сословия «хомин» (№ 16) и «хахо» (№ 17), государь в своем распоряжении имел упорядоченный центральный и местный управленческий аппарат, а при смерти

аристократа вместе с ним хоронилось более ста рабов. Кроме того, можно легко найти данные о роскошной жизни аристократов, о весьма униженном положении женщин, о жестокой системе наказаний и рабовладельчестве. В корейских и китайских источниках это государство, расположенное на Северо-Востоке Китая, в бассейне реки Сунгари, описывается как государство, предшествовавшее Когурё, а также даются генеалогия и имена королей Пуе. Кроме того, корейские и китайские исторические книги сообщают о государстве Чин (Махан) (№ 18) и других странах, находившихся в центральной и южной части Корейского полуострова и имевших свои названия и государственный аппарат.

Историки нашей страны осветили уже многие факты в исследовании древней корейской истории и уверены в том, что впредь будет выяснено еще много вопросов. Однако «Всемирная история», без всякого основания отказываясь признать историю древних веков нашей страны, утверждает, что «Ви Ман (Вэй Мань) — один из ванов северного китайского царства Янь» пришел в Корею и «захватил власть в царстве Чосон (начало II века до н. э.)». Это беспочвенное утверждение, сделанное, не прочитав основных источников. Что касается Мана, то ни разделы «Шицзи», касающиеся Кореи, ни другие любые исторические источники не упоминали о Мане, как о ване царства Янь. Кто внимательно читал разделы «Шицзи», касающиеся Кореи и являющиеся основным источником относительно этого вопроса, и сравнивал с другими разделами, без труда поймет, что династия Мана, сменившая предшествовавшую династию, имела корейский характер. Уже давно не один и не два ученых доказали, что Ман был корейцем.

Итак «Всемирная история» полностью игнорирует историю Древнего Чосон и других наших древних государств. Однако эти древние государства, существовавшие в течение 400—500 лет, не могут быть вычеркнуты из истории нашей страны в силу субъективных взглядов некоторых невежественных ино

странных авторов. Это потому, что история создается или уничтожается не по субъективному желанию людей. Такие серьезные ошибки, допущенные «Всемирной историей» в изложении древней истории нашей страны, проистекают прежде всего из того, что ее авторы без понимания данных материалов как попало обращаются с ними.

Серьезные ошибки, допущенные «Всемирной историей» в изложении древней истории, не ограничиваются этим. «Всемирная история», дав раздел: «Племенные союзы и образование первых государств», предварила описание вышеупомянутого неизвестного царства утверждением, что наше «первое племенное объединение» было образовано в конце 2-го тысячелетия до н. э. неким Кидза (Цицзы) (№ 19), аристократом-эмигрантом из государства Инь, и китайцами, перешедшими в Корею вместе с ним. Мы не можем не поражаться, прежде всего, тем самым фактом, что «Всемирная история» ссылается на бредовую версию о «приходе Цицзы на восток».

Как передается, Цицзы в последние годы китайского царства Инь, т. е. в XII веке до н. э., будучи дядей иньского короля Чжоу (№ 20). был брошен им в тюрьму, и с покорением царства Инь королем чжоуского (№ 21) царства У (№ 22) был освобожден, после чего сделался правителем страны Ци (вассалом четвертого разряда — «цзы»), Цицзы, таким образом, не имя, а означает «вассальный правитель государства Ци». Ши Юй (№ 23), передаваемое сегодня как имя Цицзы, было сочинено после начала н. э. В биографии этого персонажа, чье имя не достоверно, весьма много легендарных элементов. Даже согласно такой легендарной записи можно доказать, что Цицзы жил и умер в Китае. Для У, короля царства Чжоу, он написал «Хунфань» (№ 24) из девяти куплетов, содержащие принципы конфуцианского правления. Впоследствии он жил в своей стране и однажды, направляясь в столицу государства Чжоу, проездом увидел густо заросшую ячменем древнюю столицу государства Инь, превратившуюся в развалины, и тогда

сочинил «Майсюгэ» (Песню о ячмене). «Хунфань» и «Майсюгэ» записаны в древних китайских литературных памятниках «Шаншу» (№ 25) и «Шицзин» (№ 26). Комментатор времен цзиньского (№ 27) государства в III веке Ду Юй (№ 28) указывал, что Цицзы жил и умер в стране «Ци» (ныне — уезд Мэн (№ 29) провинции Хэнань в Китае) и что там находится его могила. Если Цицзы был подлинным лицом и его биография истинна, то можно считать, что он оттуда направлялся з столицы Инь и Чжоу. Ясно, что Цицзы не мог прибыть в Корею и не было причин для этого.

Однако в последующий период версия о приходе на восток, т. е. в Корею была выдумана феодальными историками Китая и корейскими раболепствующими феодальными историками. Они фальсифицировали факты, своевольно используя легендарные элементы из биографии Цицзы, — первые с целью обосновать агрессию против чужих стран, а последние с целью оправдать порядок феодального господства внутри страны. В Китае эта фальсификация впервые сделана в книге «Шаншу дачуань» (№ 30) и разделе «Сунвэйцзы шицзя» (№ 31) книги «Шицзи», написанных в III—I веках до н. э. Согласно этим книгам, чжоуский король У, якобы затрудняясь сделать Цицзы своим прямым подчиненным, назначил его правителем «Чосона». Из этого получается, что государство «Чосон» существовало в XII веке до н. э. Надуманность этого бросается в глаза. Поэтому в китайских древних записях до III века до н. э. Цицзы упоминается без всякой связи с Чосон. А также и «Шицзи», относящийся к I веку до н. э., в разделе о Чосон (№ 32) ни слова не говорит о Цицзы.

Итак, если систематически изучать китайские исторические источники, то становится ясным, что версия о приходе Цицзы на восток начала фабриковаться между китайцами приблизительно с III—I веков до н. э. и впоследствии постепенно обросла дополнениями.

С III—I веков до н. э. китайцы стали гораздо больше знать о Корее, а феодальные правители Китая не раз пытались захватить ее. Высокий уровень культуры, чистота нравов и высокая мораль жителей Кореи побуждали китайских феодальных историков в попытке оправдать и обосновать свою агрессивную политику, связывать все это с «просветительной» ролью «святых» (№ 33) из своей страны, в частности с Цицзы, в предании о котором много легендарного. Вышеупомятый Ду Юй, выступая против версии о «приходе Цицзы на восток», имеющейся в «Шицзи» и других китайских исторических книгах, писал о том, что могила Цицзы находится в нынешней провинции Хэнань.

Несмотря на это, «Всемирная история» пишет: «...первое племенное объединение в Корее, возникшее в северной части полуострова и прилегающих частях Южной Маньчжурии, было образовано в конце 2-го тысячелетия до н. э. выходцами из Китая... Во главе этого объединения... стал один из племенных вождей Инь — Кидза (Ци Цзы), перешедший в Корею вместе со своей племенной группой» (Т. 2. стр. 577). Не останавливаясь на этом, «Всемирная история» присовокупляет, что де местное население научилось у китайских переселенцев шелководству к ремеслам и получило из Китая «черный горох», «гаолян», «гречиху» и даже изделия из бронзы и железа. Это — дополнения к «заслугам» Цицзы, описываемые в некоторых вздорных книгах, написанных в Китае в XV веке, и к тому же произвольно цитируемые. Причем принесение в Корею «черного гороха» и прочего нельзя найти даже в самых безответственных записях вышеуказанных китайских книг и является «открытием» авторов «Всемирной истории».

Если брать для изложения начальной главы истории Кореи предания и легенды, то непонятно, почему авторы «Всемирной истории» игнорировали мифы о Тангуне.

Согласно корейской исторической книге «Самгук юса»,

еще за тысячу лет до Цицзы королем «Чосон» стали Тангун, отец которого Хван Ун вместе с приближенными спустился с неба в Корею и научил людей выращиванию зерна, лечению болезней, правосудию и нормам морали. Корейцы относят это к XXIV веку до н. э. Кроме мифа о Тангуне, имеются другие мифы и легенды об основании государства. Несмотря на это, «Всемирная история» излагает лишь легенду о Цицзы, вследствие чего напрашивается вопрос, знают ли авторы о существовании других легенд об основании государства? Конечно, никто из нас сегодня не считает, что нашим первым государством было «королевство Тангуна». Не дело марксистских историков заниматься переписыванием легенд и мифов, как они есть.

II

При освещении средневековой истории с периода Когурё, Пякте и Силла «Всемирная история» вычеркнула начальные несколько сот лет и не только игнорирует, но даже выворачивает наизнанку важные факты во внешних сношениях Кореи.

В качестве типичного примера можно привести отнесение на поздние времена даты образования трех государств, а также освещение отношений с Японией в течение нескольких веков нашей эры, связей Коре с Монголией в XIII—XIV веках и противозахватнических войн нашего народа в средние века.

Отнеся образование трех государств к IV веку, «Всемирная история» заменила историю, охватывающую весь период после падения Древнего Чосон в конце II века до н. э., историей округов и уездов Китая. Однако именно в этот период в нашей истории происходит формирование и развитие феодальных государств Когурё, Пякте и Силла, вместе с тем народы этих государств своей борьбой против чужеземных захватчиков окончательно ликвидировали китайские округа и уезды.

Когурё, находившееся в среднем течении реки Амнокган, будучи преемником Древнего Чосон, с середины I века до н. э. выросло в мощную политическую и военную силу, которая уже в то время, покоряя и объединяя Пирю (№ 34), Хянин (№ 35) и другие соседние малые страны «согук» (№ 36), прибирала к рукам весь бассейн реки Амнокган и наносила удары по китайским округам и уездам. Когурё в то время представляло собой государство, располагавшее большой территорией и мощными вооруженными силами. Тот факт, что среди археологических памятников периода Когурё находятся стальные изделия, намного более высокого уровня развития по сравнению с орудиями предшествовавшего Древнего Чосон, свидетельствует о соответствующем уровне производительных сил.

Государство Пякте в I веке опиралось на низовья реки Ханган и, противостоя округу Накран (№ 37) на севере от него, постепенно забирало территорию государства Чин (Махан). До II века Пякте стало государством, занимавшим большую территорию в юго-западной части полуострова.

В юго-восточной части полуострова до середины II века образовалось государство Силла. Как свидетельствует корейский письменный памятник «Самгук саги», процесс формирования Силла, как и Когурё и Пякте, сопровождался покорением и объединением соседних малых стран. «Самгук саги» повествует, что Когурё и Пякте происходят от Пуе, а Силла основана выходцами из «Чосон», то есть Древнего Чосон. Это — свидетельство того факта, что народы трех государств были потомками народов древних государств — Древнего Чосон, Пуе, Чин (Махан), что они непосредственно наследовали производительные силы и культуру.

Эта преемственность в достаточной мере доказывается и другими письменными и археологическими памятниками. Три государства в процессе своего образования создали на одну ступень более развитую феодальную систему по сравнению с древними государствами.

Совершенно игнорируя этот исторический процесс формирования трех государств, «Всемирная история» без всякой связи с предыдущим и последующим пишет: «Когурё, образовавшееся в 313 г. из древнего племенного союза, занимало северную часть полуострова и прилегающие части Южной Маньчжурии; Пэкче, возникшее в 346 г., — юго-западную; Силла, образовавшаяся в 356 г., — юго-восточную». (Т. III, стр. 47). Тот факт, что «Всемирная история» относит образование Когурё к 313 году, говорит лишь о том, что она имела в виду окончательное покорение округа Накран людьми Когурё в 14 году правления 15-го короля Мичен. А образование Пякте «Всемирная история» относит к первому году правления 13-го короля Кынчого (346 г.), а Силла — к первому году правления 17-го короля Намур (356 г.). Что касается Когурё, то даже японские официальные ученые, приложившие столь кропотливые усилия к сокращению длительности корейской истории, не сумели отнести его основание на время позже I века. Датировка образования Пякте и Силла во «Всемирной истории» точь в точь совпадает с версией, выдвинутой японскими буржуазными историками. Последние утверждали, что, поскольку в китайских источниках упоминаются имена 13-го короля Пякте Кынчого и 17-го короля Силла Намура, они достоверны и что с тех пор установлены внешние отношения с Китаем, следовательно, с этого периода можно рассматривать Когурё, Пякте и Силла как государства. Если таким образом судить об образовании государства, то не получается ли так, что должна быть совсем исключена из истории такая страна, имена королей которой имеются в исторических источниках данной страны, но не сообщаются в анналах других стран? Более того, не получается ли так, что любой король, который записан в анналах других стран, должен быть основателем данного государства? Итак, игнорируя древние государства Кореи и даже утверждая, что в течение ряда веков после них для корейцев не существовало государства, в

конечном счете «Всемирная история» сводит к нулю около тысячи лет корейской истории.

Далее перейдем к вопросам корейско-японских сношений в течение нескольких веков на рубеже нашей эры, рассматриваемых «Всемирной историей». Здесь мы встречаемся с утверждением об оккупации некоторой части территории южной Кореи Японией в IV — V веках. И это также представляет собой повторение лживых заявлений официальных историков Японии, которые в целях оправдания с исторической точки зрения японской оккупации Кореи выдвинули версию о «миякэ в Мимана» (№ 38), а именно об учреждении миякэ (японского органа власти) на территории Имна (№ 39) (Карак или Кара — малая феодальная страна, находившаяся на берегу р. Нактонган на юге Корейского полуострова). К этой беспочвенной версии о «миякэ в Мимана» японские официальные ученые прибегали непрестанно с момента японской агрессии против Кореи в прошлых веках.

Одним словом версия «Мимана» — это фальсификация. Силы государства, стремившегося объединить Японию, с целью объединения малых стран «согук» корейского происхождения, существовавших на японских островах до IV—V вв., учреждали в этих малых странах «миякэ». Вот этот самый факт они выдавали за то, что эти «миякэ» якобы были учреждены в южной Корее.

Исторические факты показывают, что в первые несколько веков нашей эры переселенцы с Корейского полуострова сыграли большую роль в зарождении японской государственности и развитии культуры Японии.

О том, как с давних времен до нашей эры переселенцы с Корейского полуострова группами прибывали в Японию, много говорится в японских древних источниках. Подобные случаи не прекращались и после формирования трех государств. Группы наших переселенцев на протяжении ряда сто-

летий представляли там самостоятельные силы, имели определенные связи также со своей родиной — тремя государствами.

Об этих связях сообщают древние записи и памятники Кореи и Японии. В течение нескольких веков самостоятельного существования этих малых стран на японских островах группы переселенцев корейского происхождения в качестве средства своей политической и военной обороны строили горные крепости, как это делалось на их родине, и присваивали новым местам жительства названия своих родных краев. Такие крепости характерны для трех государств; они отсутствовали у коренных жителей Японии. До 15 августа 1945 года даже один японский ученый указывал, что в Северном Кюсю и на западной окраине острова Хонсю имеются 6 крепостей, относящихся к раннему периоду трех государств (Секи- но (№ 40) «Архитектура и искусство Японии», т. 1. «История архитектуры Японии», глава 2 — Первобытно-общинный период). Кроме того, в древнейших японских источниках «Нихонсёки» (№ 41) и «Кодзики» (№ 42) (VIII в.) упоминается, что в местности Ямато (Нара), которое впоследствии стало центром объединенного японского государства, люди Кара (Карак) жили во дворце в «цудзуки» («цудзу» — гора, «ки» — крепость). По мифу местности Идзумо (префектура Симанэ) — одному из известных японских мифов — издревле там жила большая «ороти» (по-японски — змея), разлегшаяся на восьми горных хребтах. Некоторые японские ученые считают, что рассказ об «ороти» связан с тем, что там стояло 8 крепостей корейского образца, стены которых тянулись по горным хребтам, создавая для смотрящих издали впечатление извивающейся змеи. Само слово «ороти», утверждали японцы, означает корейское слово «орынчи», то есть великан. И в этой местности существовала малая страна, где переселенцы построили горную крепость и входили в столкновение с коренным населением. Японские древние записи сообщают, что

местный правитель, покоривший эту малую страну, ездил на свою родину в Силла. Не подлежит сомнению наличие силланских малых стран «согук» в районе Идзумо.

В японском источнике «Оинсен сиодзироку» (№ 43), появившемся позднее «Кодзики» и «Нихонсёки» (IX в.), имеются записи о том, что люди «Кудара» (Пякте) и в Харима (префектура Хиого) построили по своим обычаям горную крепость и вели там крупные войны. И по сей день в синтоистском храме Исогами дзингу в префектуре Нара хранится меч времени Пякте — «Ситисидо» (№ 44). На этом мече имеется надпись о том, что король Пякте, назвавший себя небесным сыном (№ 45), дарит своему вассалу-князю (№ 46) японскому королю это оружие, могущее «отразить всякую армию». Отсюда ясно, что в этой местности жил властитель, называвший себя князем-вассалом Пякте. Многочисленные записи в других японских древних книгах также могут служить доказательством того, что там находились малые страны, происходившие от Пякте. Несколькими вышеуказанными примерами не ограничивается перечисление малых стран, созданных группами переселенцев из Силла, Кара, Пякте. И по сей день в западной части японских островов можно найти немало таких местностей, которые называются «Сира» (Силла), «Кара» или «Мима», «Кудара» (Пякте), а также немало синтоистских храмов, обожествляющих предков — выходцев из вышеуказанных стран. Имена людей корейского происхождения нетрудно найти и в японской династической генеалогии, сфабрикованной в «Нихонсёки» и «Кодзики». Японские древние записи объясняют, что они с того момента приняли японское подданство. Однако это абсурдное оправдание. Тогда еще на японских островах не существовало государства с подданными. Хотя корейские «согук» в конце концов влились в японское объединенное государство, но они в свое время представляли могучие самостоятельные силы.

Среди японских буржуазных историков немало таких, которые не могли не признать этих фактов. Приведем пример. Японский ученый Цудзи (№ 47) в своем труде «История культуры Японии» пишет следующим образом: «В то время, когда наша нация Ямато (№ 48), распространив свое влияние на местность Исэ (№ 49) и опираясь на нее, пыталась постепенно расширить свою сферу, уже до этого нация Идзумо (№ 50) перешла из Кореи. Опираясь на местность Идзумо, эта нация представляла довольно большую силу... Негово- ря уже о районе Санин (№ 51), она оказывала свое влияние на восток... — Хокурику (№ 52), а на юге — подчинила себе Харима (№ 53) в Саниодо (№ 54) и затем уперлась в районы Исэ и Ямато» (Т. 1, стр. 40).

В такой обстановке процесс формирования единого государства на японских островах проходил как процесс покорения и объединения коренного населения и «согук» корейского происхождения. Этот факт в определенной мере нашел свое отражение в «Кодзики» и «Нихонсёки». Сообщают, что в процессе этого король Ямато в целях подчинения и грабежа местных малых стран учреждал «миякэ» повсюду на японских островах, что такие органы он учредил не только в «Мимана», но и в «Сираги», «Кудара», «Кома» (японцы приравнивают Кома к Когурё) и брал подати. В «Нихонсёки» указывается также, что ведавший «миякэ» «викотомоти» (№ 55), посещая «Мимана» призывал к себе «коникиси», то есть королей, «Силла», «Кудара», «Кома», бранил их, добивался порой у них капитуляции. «Мимана», «Сираги», «Кудара», «Кома», указанные в «Нихонсёки», являются не чем иным, как малыми странами корейского происхождения на японских островах.

Все вышеуказанные данные позволяют утверждать, что в первых веках на рубеже нашей эры не японцы вступили на Корейский полуостров, а наоборот корейцы вступили на японские острова. Таковы факты корейско-японских сношений того времени.

Поздние так называемые теоретики японской классической литературы, прибегая к произвольной трактовке неясных мест в японских источниках, выдвинули версию о господстве Японии над южной Кореей со времен сотворения мира. Видя в этой бредовой выдумке явное несоответствие со здравым смыслом, последующие японские официальные ученые, читая по-своему японские источники, перенесли японское господство на несколько позднее время и попытались тем самым «рационализировать» эту версию. В результате вышло в свет новое издание версии о «миякэ в Мимана», согласно которой в течение 200—300 лет с конца IV века южной Кореей «управляло» как своей колонией японское объединенное государство, не существовавшее на деле в то время. И вот эту выдумку приводит «Всемирная история» в новейшей редакции:

«Особенно усилились набеги японцев в IV в. н. э., когда им даже удалось захватить небольшой кусочек на крайнем юге полуострова — часть царства Карак (или Мимана, как называют его японские источники)» (Т. II, стр. 578—579).

«Японская племенная знать и из Миманы, и со всех островов пользовалась любым случаем для вмешательства в борьбу корейских государств и неоднократно устраивала набеги на Силлу» (Т. III, стр. 49) и т. д.

Авторы «Всемирной истории», не изучая корейской истории, просто переписали первые попавшие в их руки старые японские книги. Это не серьезное отношение. В изложении истории, конечно, допускается пользование многочисленными книгами и источниками других стран. Но при этом должны быть серьезный анализ и научная строгость в выборе источников. Это особенно необходимо авторам, не занимавшимся серьезным изучением корейской историей и прибегающим только к чужим источникам.

Касаясь об экспедиции объединенного государства местности Ямато на помощь Пякте в момент покорения его объ

единенной армией Силла и танского Китая в 660 году, «Всемирная история» повествует, что «они (правители Японии) направили на полуостров большие силы, заняли Миману и попытались захватить всю территорию Пэкче. Однако население Пэкче упорно сопротивлялось. В конечном итоге японские отряды потерпели поражение и только незначительная их часть успела бежать на родину (663) г.)» (Т. III, стр. 50).

Здесь даже не удалось точно переписать высказывания японцев. В то время японская армия прибыла в Корею не в качестве агрессора. Ее поход был организован в помощь обреченной своей прежней родине знатью происхождения Пякте, находившейся тогда у власти в японском королевстве. Для неё же гибель Пякте означала угрозу ее политическому фундаменту.

В VI — VII веках в ходе формирования объединенного государства в Японии большую роль играло влияние участвовавшей в правлении страной знати корейского происхождения, особенно Пякте.

Из 1183 всех японских фамилий, зарегистрированных в вышеупомянутой книге «Синсен сиодзироку», одна треть иностранного происхождения, главным образом корейского. Фамилии знати корейского происхождения фактически намного превышали одну треть. И в «перевороте Тайка» в 645 году, явившемся крупнейшим событием в утверждении строя японского объединенного государства, знать происхождения Пякте преобладала в числе сыгравших главную роль. Главными лицами заговора были Такамуконо Генри (№ 56), буддийские священники Бин (№ 57), Дзиоан (№ 58) и др., которые во время «переворота Тайка» уничтожили противников и держали инициативу. После переворота Генри стал «кунино хакасе» (№ 59) и вместе с Бином составлял все новые законы. В «Нихонсёки» все они названы «Аябито», а в «Синсен Сиодзироку» указывается, что «Аябито — это потомки «Тая-

ка (№ 60) из государства Пякте». В середине VII века при королевской власти Японии преобладала знать происхождения Пякте и ей всегда тайно угрожали противники.

Падение Пякте в 660 году привело в тревогу эту знать из Пякте, занимавшую вышеуказанное положение при японской королевской власти. И она в целях предотвращения возможного влияния тех аристократов, которые были подавлены ею, организовала экспедицию в помощь Пякте. Но экспедиция не могла иметь и не имела успеха, и тогда знать из Пякте предприняла поистине отчаянные действия с целью сохранения своих позиций. На описание этого в «Нихонсёки» отведено немало записей.

Как ясно из вышеуказанного, экспедиция в 660 году не преследовала цели «восстановления Миманы» или «захвата территории государства Пэкче». Если взять территориальный вопрос, то в то время Япония была занята стремлением распространиться на северо-восток острова Хонсю, поскольку большая часть этого острова все еще не входила под власть государства Ямато.

В такой обстановке вообще не мог быть поставлен вопрос о т. н. востановлении Миманы, что подразумевало территориальную экспансию на южную часть Корейского полуострова через море. Такого вопроса не было и на деле. Построили из всего этого т. н. вопрос Миманы не кто иной, как не знавшие удержу фальсификаторы истории последующих времен.

А «Всемирная история», перенимая эти беспочвенные высказывания, даже подкрепляет их своей «новой теорией», что жители Пякте «оказали упорное сопротивление» японским войскам. Но это новоиспеченная история, которую произвольно сложили авторы «Всемирной истории» и о которой до них никто не знал и не слыхал.

В то время жители Пякте хотели соединиться с японскими войсками, но не смогли из-за объединенных войск государства Силла и танской династии, которые были достаточ

но сильны. А впоследствии благодаря обострению противоречий в стане этих объединенных войск народу покоренного Пякте в конце концов удалось соединиться с Силла и очистить страну от танских завоевателей. Таковы исторические факты.

Дальше вкратце остановимся на отношениях между Корё и Монголией в XIII — XIV вв.

С 30-х годов XIII века в течение 40 с лишним лет народ Корё без всякой поддержки извне вел ожесточенную борьбу против монгольских захватчиков.

Государственные отношения между Корё и Монголией, отношения «мира и дружбы», если выразиться словами того времени, установились с 60 — 70-х годов XIII века. Предпосылкой, основой установления таких отношений во всяком случае было сохранение существовавшей в то время суверенной власти Корё. Поэтому в исторических книгах эти корейско-монгольские отношения называются отношениями «мира и дружбы». Тем не менее «Всемирная история», имея в виду такие отношения «мира и дружбы», длившиеся примерно 90 лет, пишет: «В течение почти ста лет... Корея находилась под игом монголов. Корейские короли, хотя и оставались на престоле, на деле были полностью подчинены монгольским наместникам, которые контролировали все управление страной» (Том III, стр. 538), или изображает дело так, будто управляли Корё сами монгольские феодалы. (См. там же). А это беспочвенное утверждение тех, кто без всякого изучения истории тех лет берется излагать исторические факты, как себе заблагорассудится. Посмотрим, как на деле обстоят факты. В 1232 году монгольские завоеватели, посчитав завершение «миром и дружбой» первого вторжения, происшедшего в предыдущем году, за капитуляцию Корё, направили более 70 «дарогачей» (местных начальников) в качестве монгольских правителей важнейших районов Корё. Королевство Корё ответило на это истреблением «дарогачей» до единого, как толь

ко они прибыли. Этим были вызваны вторая корейско-монгольская война и последующие кампании. И поэтому, когда война, длившаяся более 40 лет, завершилась «миром и дружбой», монголы больше не осмелились диктовать Корё свою волю. Некоторое время, при последнем «мире и дружбе», в Кэгене, столице Корё находились «дарогачи», но по мере нормализации отношений между двумя странами они эвакуировались вместе со стоявшими здесь войсками. Впоследствии приезжавшими в Корё монголами были монгольская принцесса со свитой, ставшая женой короля династии Корё, и монгольские послы. На всей территории Корё не было ни одного монгольского военачальника или наместника, правили Корё прежние феодальные учреждения, властителем Корё по-прежнему оставался корейский король.

Вмешательство монголов во внутренние дела Корё не допускалось, заговоры монголов с целью заменить короля, не следующего их воле, другим членом королевского рода, потерпели неудачу, встретив мощное сопротивление со стороны Корё; предатели родины, участники подобных заговоров, не избегли строгой кары от королевской власти. Грубое извращение «Всемирной историей» корейско-монгольских отношений того времени объясняется тем, что авторы, будучи несведущи в истории. Кореи, приняли корейско-монгольские отношения за такие же отношения подчинения, какие существовали между европейскими странами и монголами.

В середине XIII века в низовьях Волги монголы создали т. н. Золотую Орду. Они распространили свое иго на Русь, вследствие чего владыкой Руси стал монгольский хан, а различные княжества подчинялись баскакам. Таким образом, в течение веков различные княжества Руси находились под монгольским владычеством. Но в тот период положение Корё было совершенно иным по сравнению с вышеизложенным положением Руси.

Общая ошибка, которую допустила «Всемирная история» в изложении средневековой истории Кореи, заключается в том, что она излагает историю завоевателей, историю господствующих классов, замалчивая или грубо недооценивая славные дела народа, боровшегося против внутренних и внешних врагов. Так обстоит дело и с описанием корейско-монгольских отношений. Чтобы еще раз объяснить это, возвращаясь несколько назад, приведем пример внешних войн Когурё.

Еще в ходе своего образования, на рубеже н. э. государство Когурё вело борьбу против агрессии четырех ханьских округов, особенно Накрана. До 313 года, когда был окончательно ликвидирован округ Накран, Когурё десятки раз воевало против могучих государств, образовывавшихся на территории Китая, как Хань, Вэй, Цинь, Инь и др. После этого до начала V века Когурё успешно отразило набеги иноземных завоевателей и выросло в великую державу, занимавшую обширную территорию Маньчжурии восточнее реки Ляохэ и северную половину Корейского полуострова.

В 598 году Вэньди император Суйской династии, осуществивший в 589 году объединение всего китайского континента и мечтавший о покорении всей вселенной, напал на Когурё с сухопутными и морскими силами в 300 тысяч человек, но потерпел позорное поражение. В 611—614 гг. его преемник Янди, попытавшись продолжить «дело отца», привел самого себя и свою империю к гибели.

В войне 612 года против Когурё Янди двинул 1130 тысяч воинов, а если к этому добавить тыловые отряды, то общее число войск составляло 3 миллиона. Длина колонны сухопутных боевых отрядов достигала 1040 ли, а общая длина кораблей — несколько сот ли. История человечества до этого почти не знала случая мобилизации такого колоссального числа войск на захват другой страны. Мы знаем, что только во время греко-персидской войны было мобилизовано сравнимое с этим количество войск. В этой войне люди Когурё про

явили героизм и патриотизм. Какие огромные потери понесли захватчики в этой войне, показывает тот факт, что из 300 тысяч человек вражеских авангардных отрядов, проникших вглубь полуострова, живыми вернулось к себе только 2.700 человек.

Однако «Всемирная история» ограничилась всего лишь несколькими строками в описании этой огромного значения войны против агрессии и славных патриотических традиций народа, созданных в ходе этой войны, относясь к этому безответственно, далеко неполноценно изложила ход войны и борьбу народа Когурё и умалила его успехи.

Десятки лет длилась и корейско-танская война, начатая в 644 году. Однако «Всемирная история» описала эту войну как крайне незначительное событие. Так, например, она ничего не говорит о героической борьбе защитников крепости Дней — воинов и жителей Когурё в 645 году, вместо того подает абсурдную выдумку о том, что Танская империя была де вынуждена «удовольствоваться занятием владений Когурё в Южной Маньчжурии» (Том III, стр. 49).

Борьба народа Когурё против захватчиков активно продолжалась и после покорения страны в 668 году объединенными войсками Силла и Тан. Рука об руку с народами Силла и Пякте народ Когурё продолжал сопротивление, чтобы изгнать чужеземных захватчиков с нашей земли, и в 676 году очистил от них Корейский полуостров. Люди Когурё, продолжавшие сопротивление на территории Маньчжурии после гибели своей страны, опираясь на несколько крепостей, в конце концов создали государство Бархя (Бохай). И Бархя вытеснило танские силы в Ляоси, в начале VIII века почти полностью вернуло бывшую территорию Когурё и в течение 200 с лишним лет славилось как «Процветающая страна на востоке у моря» (№ 61). Однако невежественные авторы «Всемирной истории» допустили безответственность и грубую ошибку, назвав Бохай «маньчжурским государством», не имеющим ника

кой связи с народом прежнего государства Когурё (Т. III, стр. 300).

В VIII веке и после корейский народ продолжал вести стойкую борьбу против сильных чужеземных захватчиков с юга и севера, продолжая патриотические традиции народов трех государств, включая Когурё. Однако «Всемирная история» подобно тому, как она делает в описании войн народа Когурё с чужеземными захватчиками, умаляет или извращает все героические деяния наших предков средневековья со времен существования трех государств.

Подобно тому, как в течение всего средневековья не прекращалась борьба против внешних агрессоров, в этот период без передышки шла борьба нашего народа также и против внутренних врагов. Борьба против внутренних врагов составляет важную часть героической истории нашего народа. Крупные крестьянские восстания, длившиеся на протяжении почти ста лет до начала X века и на протяжении полутора века с XII века, вписали наиболее славные страницы в историю средних веков нашей страны. Но «Всемирная история> эти события либо замалчивает, либо упоминает между прочим. Почему так получилось? Потому, что авторы «Всемирной истории» опирались на книги ученых колонизаторских стран прошлого и просто списывали из них. Вряд ли в них излагалась борьба народа против агрессии и, тем более, классовая борьба? Это вне всякого сомнения. Беда именно в этом. Вот почему в изложении нашей истории средних веков полностью игнорировались героическое сопротивление народа и классовая борьба, которая как движущая сила общественного развития шла непрерывно. При таком изложении истории как ее можно назвать историей народа?

Историю корейского народа средних веков вообще нельзя сложить, если исключить из нее подвиги, совершенные в борьбе против внутренних и внешних врагов. Марксистский принцип в истории — принцип партийности и историзма — должен

соблюдаться в изложении истории всех стран, как истории своей страны, так и истории другой страны. Отбрасывать этот принцип при изложении истории другой страны, писать историю как угодно, без серьезного изучения, извращать ее, как заблагорассудится, выписывать слово в слово из монархических анналов или из исторической литературы колонизаторов и тем самым игнорировать историю народа — это грубый способ изложения истории, который не к лицу нам, историкам-марксистам.

III

Во «Всемирной истории» допущены грубые ошибки также и при изложении новой истории. Авторы «Всемирной истории» в начале описания новой истории, искажая факты, пишут, что «переворот Кабсин» (1884 г.), представлявший собой первую попытку буржуазной реформы в нашей стране, будто бы был организован японцами. При этом он характеризует буржуазных реформистов Кореи как приспешников японских агрессоров и прояпонских элементов. Это также грубая ошибка и полное искажение факта.

Марксизм-ленинизм любую общественную мысль и любое движение рассматривает как закономерное явление, соответствующее определенным социально-экономическим изменениям. Реформистские идеи, которые руководили «переворотом Кабсин», и реформистское движение «партии реформ», руководившей переворотом, явились отражением закономерного исторического процесса периода развала феодализма и зарождения капитализма.

Со второй половины XVII века по XVIII век в нашей стране по мере развития общественного производства расширялись и развивались товарно-денежные отношения, что начало расшатывать разваливавшуюся систему феодального упра

вления династии Ли. Начиная с XIX века система феодального управления значительно ослабла, образовалась трещина и в феодальном сословном строе. Товарно-денежное обращение вызвало некоторое расслоение внутри крестьянства. Стало весьма редким явлением, чтобы разоряющиеся крестьяне, как раньше превращались в крепостных (ноби), попадали ь кабалу. «Освободившиеся» крестьяне стекались в городах или отправлялись на рудники. Наемная рабочая сила широко использовалась и в государственных учреждениях.

Прием наемных рабочих в государственном хозяйстве, которое опиралось только на трудовую повинность, в горной и ремесленной промышленности и других областях производства не мог не явиться большой переменой. Таким образом, на одном полюсе образовывалась «свободная» рабочая сила, а на другом происходил, хотя и медленно, процесс превращения растущего торгового капитала в промышленный капитал. В истории нашей страны такое новое явление можно было наблюдать еще задолго до открытия портов для капиталистических держав.

Иначе говоря, со второй половины XVIII века на золотых, серебряных и медных рудниках появились капиталистические формы предпринимательства. В то время некий чиновник У Ден Гю предложил королю «ввести систему, при которой безземельные и потому не могущие заниматься земледелием крестьяне могли бы работать на рудниках, принадлежащих крупным купцам (№ 62)».

Это предложение не осуществилось, и разработке новых рудников продолжало препятствовать феодальное государство. Однако ничто не могло остановить рост этих новых факторов.

В 1858 году королевский ревизор, побывавший в провинции Хамген, в своем докладе, представленном королю, отметил: «На каждом золотом, серебряном и медном руднике собирается по несколько тысяч рабочих. Там можно найти лю

бые товары обихода. Местные богачи вкладывают туда все новые и новые средства и разрабатывают шахты глубиной в тысячу чек (мера длины)».

В этот период рост торгового капитала и процесс его перерастания в промышленный капитал наблюдался не только в горной промышленности, но и в других областях.

В конце 70-х годов XVIII века, когда феодальное правительство чеканило монеты на один миллион лян (денежная единица), многие купцы вложили в это дело свои средства. В начале XIX века крупный купец О Хан Дю открыл магазин латунной посуды и нажил огромную сумму денег, а в 50-х годах, получив от государства подряд на чеканку монет, он на свой капитал закупил материалы и топливо, нанял рабочих и отлил монеты на 200 тысяч лян. Самое позднее в 50-е годы прошлого века знаменитая Напченская латунная посуда из села Чонденри уезда Унден провинции Северный Пхе- нан производилась капиталистическим способом предпринимательства. Каждый капиталист-предприниматель, имея капитал в 20 — 30 тысяч лян, обзаводился оборудованием, материалами и топливом, а рабочие выполняли соответствующие работы в трех процессах и получали за это от предпринимателей плату. Масштабы кустарных мастерских были небольшие, но их продукция продавалась во всей стране. Торговцы вразнос доставляли ее вместе с другими товарами в различные районы страны. Аналогичное положение наблюдалось н в других отраслях ремесла, например а производстве шелка.

Рост товарно-денежных отношений и возникновение и развитие новых капиталистических элементов привели к усилению феодального гнета и эксплуатации крестьян. В середине XIX века во всех районах страны прокатилась мощная волна крестьянских восстаний. Феодальные правители были не в состоянии поправить создавшееся положение. Продолжался серьезный кризис феодального господства. При такой обстановке стремление смело преобразовать старое и пост

роить новое, современное общество не могло не отразиться в сложной политической ситуации того времени.

Влияние промежуточных сословий, представлявших интересы крупных торговцев и капиталистов, которые стремились высвободиться из тисков феодального господства, нашло свое отражение в политических кругах. Лю Дэ Чи (№ 63) и О Ген Сек (№ 64) — представители промежуточных сословий — были первоначальными выразителями реформистских идей. В 60—70-х годах XIX века они предлагали унаследовать и развивать идею сирхак, ликвидировать устаревший феодальный строй и преобразовать страну в современном направлении. Передовые деятели, выступавшие в поддержку реформистских идей, образовали политическую силу, называвшуюся «партией реформ», руководителями которой явились Ким Ок Кюн (№ 65), Хон Ен Сик (№ 66) и другие.

В особенности, когда после открытия в 1876 году портов наша страна оказалась перед лицом опасности превращения в полуколонию, политическая деятельность «партии реформ» вылилась в движение более патриотического и радикального характера, направленное на то, чтобы быстро расчистить дорогу для современного развития во имя суверенитета и независимости страны. Таково было развитие событий.

Однако авторы «Всемирной истории» при описании переворота года Кабсин совершенно умолчали об исторически подготовленных социально-экономических и идейно-политических факторах и полностью извратили историю, изобразив, что будто бы переворот года Кабсин и предшествовавшее ему буржуазное реформистское движение были организованы японскими агрессорами.

Более того, в изложении, посвященном самому перевороту года Кабсин, черное выдается за белое, а именно говорится следующее:

«...Японцы решили свергнуть корейское правительство, ориентировавшееся на Китай, и создать новое правительство

из своих ставленников. Дворцовый переворот, по их замыслам, надлежало осуществить с помощью связанных с японцами корейских янбаней (дворян).

К этому времени образовалась группа молодых янбаней, называвшая себя «партией реформ»...

4 декабря 1884 г. отряд японских солдат занял королевский дворец и захватил в плен короля. Власть перешла к «партии реформ», руководители которой сформировали правительство во главе с Ким Ок Кюном» (Том VII, стр. 276). Это почти все, что сказано относительно переворота Кабсин.

Здесь утверждается, что процесс переворота Кабсин был ускорен японскими войсками и что к тому же реформистские деятели нашей страны были лишь орудием японских агрессоров, их агентами, помогавшими им совершить агрессию.

Был ли переворот Кабсин действительно сфабрикован японскими, захватчиками и был ли Ким Ок Кюн прояпонским элементом? Никто из нас, корейцев, которые знают свою историю лучше других, не думает так. Это абсурдное утверждение. Нет никакого основания отрицать патриотический и антиагрессивный характер политической деятельности «партии реформ». Безусловно, были трудности, которые должны были быть серьезно учтены «партией реформ».

Как известно, «партия реформ» должна была вести подготовку к государственному перевороту в обстановке вмешательства вооруженных сил реакционных правящих кругов цинского Китая во внутренние дела нашей страны после 1882 года, в обстановке жестоких репрессий против всех прогрессивных движений в стране со стороны объединенных реакционных сил Кореи и цинского Китая. Поэтому для достижения своих целей «партия реформ» взяла курс на то, чтобы использовать противоречия между цинским Китаем и Японией, которые противостояли друг другу в деле захвата Кореи, особенно она использовала в своих интересах японские силы.

Такая тактическая позиция, которую при тогдашних условиях вынуждена была занять «партия реформ», отнюдь не меняет характера и значения самого реформистского движения. «Партия реформ» с начала и до конца твердо придерживалась патриотической позиции. Накануне переворота 29 чи« ела девятого месяца (16 ноября по н. с.) Ким Ок Кюн посетил Лю Дэ Чи и сказал: «Если бы даже не было помощи японского правительства, поскольку, на наш взгляд, положение в нашей стране безвыходное подобно тому, как перед отступающим войском находилась река, но не было моста, мы не могли бы ждать действий японцев» (Ким Ок Кюн. «Дневник года Кабсин». 16 ноября). Незадолго до переворо та Хон Ен Сик, выражая переживания членов «партии реформ», говорил: «Если пройдет еще несколько лет без преобразований, то тогда, если даже и произойдут реформы, корейцам уже трудно будет самому управлять страной. Эта мысль не дает мне покоя» («Материалы о переговорах по Корее». Том. 1, стр. 291—292).

Разумеется, существовал ряд субъективных и объективных факторов, в том числе неосновательная подготовка «партии реформ» к перевороту, историческая ограниченность, выразившаяся в слабом развитии капиталистических отношений в нашей стране, и др., который послужил причиной поражения переворота. Однако «партия реформ» последовательно и незыблемо стояла на твердой позиции за независимость и прогресс родины и на этой позиции самостоятельно подготовилась к перевороту. Об этих неопровержимых фактах свидетельствуют вышеуказанные материалы. 17 числа десятого месяца 1884 года (4 декабря по н. с.) на церемонии по случаю завершения строительства здания Центральной почты был поднят первый факел переворота, а на следующий день «партией реформ» было сформировано правительство и после опу

бликования политической программы, предусматривавшей капиталистическое развитие страны, начались преобразования. Все это было осуществлено самой «партией реформ». И только после того, как «партия реформ» фактически взяла я свои руки власть, она просила японскую армию помочь защитить королевский двор от контрнаступления войск цинского Китая. Все это представляет собой самые элементарные знания о перевороте Кабсин.

События, Имевшие место после поражения переворота, также опровергают неправильные рассуждения, изложенные во «Всемирной истории».

Когда переворот потерпел поражение, японский послан* ник Такэ Дзоэ отказал просьбе группы Ким Ок Кюна, которую преследовала корейская полиция, предоставить ей убежище в японском консульстве в Инчене, и даже не давал этой группе воспользоваться японским пароходом «Титосемару», когда она собиралась эмигрировать за границу, так как ей угрожал арест. Таю Дзоэ потребовал, чтобы группа Ким Ок Кюна сошла с парохода, несмотря на то, что она имела разрешение капитана. И только благодаря гуманному отношению капитана парохода, группе Ким Ок Кюна удалось эмигрировать в Японию.

После того, как группа Ким Ок Кюна эмигрировала з Японию, японское правительство подвергало ее несправедливым преследованиям, чтобы запретить ей политическую деятельность.

Это объясняется тем, что руководители «партии реформ» во главе с Ким Ок Кюном продолжали оставаться влиятельной политической силой, которая, не теряя надежды на реформу, по-прежнему пыталась добиться суверенитета и независимости, укрепления и развития страны, и тем, что они могут стать опасными противниками агрессоров.

После того как в Японии была разоблачена попытка Ким Ок Кюна снова организовать переворот, в 1885 году японское

правительство приняло решение об изгнании его с территории Японии. Когда Ким Ок Кюн задержался в Иокогама из- за не имения денег на проезд, японское правительство незаконно сослало его на небольшой остров Огасавара (№ 67) в Тихом океане, а два года спустя насильно переселило его в глухую местность в Хоккайдо и держало его под надзором.

Таким образом японские власти не только обрекли Ким Ок Кюна на унижения и страдания, но и систематически плели заговор, чтобы физически уничтожить его и других руководителей «партии реформ».

Еще в 1885 году, сразу же после эмиграции Ким Ок Кюна в Японию, между министром иностранных дел Японии Иноуэ (№ 68) и посланником цинского Китая в Японии Сюй Чэн-цзу был совместно разработан тайный заговор о том, чтобы заманить Ким Ок Кюна в сеттльмент в Шанхае и там убить его. (См. «Материалы о китайско-японских переговорах». Т. 9, стр. 19—25). Наконец этот замысел был осуществлен в 1894 году в результате сговора между корейскими, японскими и китайскими реакционерами.

Все эти факты подтверждают, что «переворот года Кабсин» был организован не Японией, а представлял собой попытку буржуазной реформы на основе общественного и экономического развития Кореи, что Ким Ок Кюн и другие руководители «партии реформ» были не японофилами, а пламенными патриотами. Только те, кто рассматривает исторические явления метафизически, в отрыве от социально-экономической основы, и те, кто, не имея никаких знаний об исторических материалах того времени, легкомысленно относится к истории, могут давать такое нелепое определение, будто «переворот года Кабсин» был сфабрикован японцами, а руководители «партии реформ» были японофилами.

Далее, во «Всемирной истории» допущено немало ошибок и в отношении национально-освободительной борьбы в период буржуазного национального движения в нашей стра-

не, продолжавшегося вплоть до Первомартовского восстания в 1919 году.

Но ещё более серьезной ошибкой является то, что история борьбы за национальное и социальное освобождение корейского народа, развернувшейся под руководством рабочего класса в 20-х и 30-х годах XX века, исключена как предмет изложения «Всемирной истории». Это очень грубая ошибка, недопустимая как с точки зрения исторической систематизации корейской части во всемирной истории, так и с точки зрения составления полной всемирной истории того периода.

В IX томе «Всемирной истории» изложена история стран мира за период с 1924 по 1939 гг. Этот том охватывает период временной частичной стабилизации капитализма (1924-- 1928 гг.), имевшей место после всемирного революционного подъема (1918—1923 гг.), последовавшего вслед за Октябрьской революцией, период мирового экономического кризиса 1929—1933 годов и период подготовки ко второй мировой войне (1934—1939 гг.).

Существенной особенностью всемирной истории этого периода являлось усиление пламени ожесточенной борьбы трудящихся капиталистических стран и народов колониальных и зависимых стран в связи с тем, что мировая монополистическая буржуазия искала выход из острых противоречий в установлении фашизма и развязывании империалистических войн. Эта основная особенность развития истории проявилась в таком же виде и в истории нашей страны. Это был исторический период, когда в нашей стране уже закончилась эпоха буржуазного национального движения и рабочий класс начал выступать как руководящая сила в антияпонской национально-освободительной борьбе.

В этот период в нашей стране в условиях, когда в связи с подготовкой японскими империалистами войны против Советского Союза и Китая и начала агрессивной войны против Китая колониальный режим принял небывало жестокий ха

рактер, быстро росло под знаменем марксизма-ленинизма рабочее движение и под его влиянием чрезвычайно усилилась антияпонская национально-освободительная борьба. В этот период революционная борьба рабочего класса нашей страны поднялась с низшей ступени на новую, высшую ступень, народные массы даже в условиях беспрецедентных трудностей полностью проявили унаследованные ими патриотические традиции и революционность.

Создание в 1925 г. Корейской коммунистической партии, «движение 10 июля» в 1926 г., выразившееся массовой антияпонской демонстрацией, и быстрое развитие вслед за этим рабочего и крестьянского движения свидетельствуют о том, что даже в условиях варварских репрессий японских империалистов в нашей стране быстро развивалась национально-освободительная борьба.

В особенности революционное движение в конце 20-х и в начале 30-х годов, развернувшееся невзирая на зверские преследования японских империалистов, было поистине большим революционным подъемом. Началом этого революционного подъема послужила Вонсанская всеобщая забастовка в 1929 году. Эта борьба, полностью парализировавшая промышленность и транспорт в районе Вонсана и героически продолжавшаяся в течение нескольких месяцев, невзирая на террор и репрессии японской полиции, при поддержке со стороны различных слоев населения, в том числе рабочих, крестьян, учащихся, и международной солидарности рабочих и общественных организаций Советского Союза, Китая, Японии, Франции и других стран, оказала большое влияние на рабочих и крестьян всей страны.

Повсеместно в стране продолжались боевые забастовки и демонстрации рабочих. После того, как забастовка рабочих шахты Синхын в 1930 году вылилась в восстание, рабочие под лозунгом: «Поддерживайте борьбу синхынских товарищей и

повсеместно организуйте демонстрации и восстания!» развернули ожесточенную борьбу, принявшую форму восстаний.

Особенностью борьбы этого периода является то, что крестьяне и учащиеся, откликнувшись на восстание рабочих, активно включились в эту борьбу. Мощная волна борьбы, принявшая форму восстаний, демонстраций, арендных конфликтов, прокатилась по провинциям Хамген, Канвон, Чжелла, Пхенан и другим районам страны, в том числе было нападение в 1930 году трех тысяч крестьян уезда Танчен провинции Южный Хамген на японское уездное управление и полицейские участки, а в Цзяньдао происходили такие крупные выступления, как «бунт в период уборки урожая», «бунт в период весеннего голода» и т. п.

В ноябре 1929 года по всей стране поднялись учащиеся под лозунгом «Долой японских империалистов!» Запалом к этому послужил случай оскорбления корейской ученицы японскими гимназистами в Квандю. В эту борьбу включились учащиеся во всех уголках страны, вплоть до учеников начальных школ, и она вылилась в антияпонское движение учащихся всей Кореи. Таким образом повсеместно в стране поднимались рабочие, крестьяне и восстанием оказывали сопротивление вооруженному врагу, вся страна кипела в пекле революционной борьбы.

Такое новое положение показывало, что революционное движение в нашей стране переходило к высшей стадии борьбы.

Коммунисты, организовав поднявшихся на борьбу народные массы и проведя военную подготовку, подняли это движение на стадию вооруженной борьбы.

В 1932 году впервые в нашей истории были созданы народные вооруженные революционные силы — антияпонские партизанские отряды, руководимые марксистами-ленинцами. Антияпонская вооруженная борьба проходила в крайне тяже

лых условиях, когда японские империалисты в связи с агрессией на материк усиливали неслыханный фашистско-террористический режим, сосредоточивали многочисленные регулярные дивизии и вспомогательные вооруженные силы в Корее и Маньчжурии для расширения агрессивной войны.

Корейские коммунисты под руководством товарища Ким Ир Сена создали вокруг горы Пяктусан в примыкающих к рекам Туманган и Амнокган пограничных районах Кореи и Маньчжурии, превращенных японскими империалистами в плацдарм для агрессивной войны, партизанскую базу и развернули героическую борьбу, расширяя и развивая вооруженные бои и революционное движение по всей стране.

Антияпонские партизанские отряды, опираясь на партизанские базы и пользуясь активной поддержкой народных масс, на обширных территориях Кореи и Маньчжурии беспрерывно совершали налеты на вражеские военные укрепления и города и наносили огромные удары японским империалистам в военных операциях в Поченбо, Мусане, Тонхындине и других районах Кореи и в Аньту, Хунчуне, Дуннине, Эму, Илань, Фусун, Баньши, Хуэйнань и других важных уездах на китайской территории. Например, в боях на линии Поченбо— Кансанбон в июне 1937 года было убито и ранено более 1.500 отборных войск японского империализма. В течение одного 1939 года было убито и ранено более 30 тысяч вражеских сил. Японские империалисты, получая удар за ударом от антияпонских партизан, подняли вопль, что вооруженная борьба антияпонских партизан стала «серьезной проблемой в завершении государственной политики», смертельным ударом для их господства в Корее и Маньчжурии («История полиции Маньчжу го». Часть 1, стр. 346). Через победоносное развитие вооруженной борьбы, различные революционные мероприятия, осуществленные на базах, политическое руководство коммунистов революционное влияние распространялось повсеместно, как степной пожар, и поднимало на ожесточенную анти

империалистическую и антифеодальную борьбу рабочих, крестьян, всё слои населения.

В частности, создание в мае 1936 года Лиги возрождения Родины вызвало крупный перелом во всеобщем развитии революционного движения нашей страны.

Лига возрождения Родины выдвинула демократическую революционную программу, наметившую свержение колониального господства японских империалистов, создание народной власти и завершение антиимпериалистических и антифеодальных революционных задач сплоченными силами всей нации, и осветила всему корейскому народу правильный путь к марксистско-ленинский метод борьбы.

Лига возрождения Родины — первая в истории нашей страны организация единого антияпонского национального фронта, основанная на союзе рабочих и крестьян, под руководством коммунистов быстро разрослась среди различных слоев населения почти на всей территории Кореи и в тех районах Северо-Востока Китая, где проживало корейское население, и охватывала сотни тысяч человек.

В Сеуле, Пхеньяне, Хамхыне, Хыннаме, Чендине, Радине, Вонсане, Синидю, Пусане и других промышленных центрах и многочисленных селах беспрерывно развертывались восстания, забастовки, арендные конфликты рабочих и крестьян. Их знаменем борьбы была Программа Лиги возрождения Родины.

Таким образом, борьба нашего народа в период антияпонского партизанского движения мощно развертывалась под знаменем марксизма-ленинизма, опираясь на организованные массы, в невиданных в истории нашего народа крупных масштабах, и продолжалась длительное время — 15 лет.

История нашего народа времен антияпонской вооруженной борьбы 30-х годов благодаря подобному содержанию явилась самой высшей ступенью развития в истории революционного движения корейского народа и имеет огромное исто

рическое значение в деле обобщения и развития опыта и успехов в истории предыдущей эпохи, в деле подготовки новой истории после освобождения Кореи 15 августа 1945 года. Кроме того, она наиболее основательно и ясно выразила революционное стремление народов колониальных и зависимых стран в 30-е годы, она является составной частью мировой истории.

История борьбы нашего народа во главе с рабочим классом в 20-е и 30-е годы является частью, которую нельзя исключить при систематизации корейской истории, а потому вполне понятно, что она должна была занять соответствующее место во «Всемирной истории».

Нам не понятно, почему «Всемирная история» при систематизации корейской истории, излагая историю периода, связанного с феодальным королевством и буржуазией, пренебрегает историей народного движения, руководимого коммунистами, и тем самым допускает принципиальную ошибку. Это значит, что составители «Всемирной истории» отошли от принципа партийности, являющегося самым главным в изложении истории, и в то же время забыли даже основную миссию марксистско-ленинской науки, призванной вооружать народные массы идеями закономерности исторического развития.

IV

В изложении истории Кореи во «Всемирной истории» обнаруживается множество и других ошибок.

Остановимся на некоторых из них.

Начиная излагать историю Кореи, «Всемирная история» в отношении первобытной эпохи утверждает, что остатки неолитической культуры Кореи находятся лишь в крайне ограниченных районах Пхеньяна, в южной части провинции Юж

ный Хванхэ, в районах Сеула и Пусана, на окраине восточной части Кореи (долина реки Туманган) и так указала их даже на карте (Т. II, стр. 576—577 и приложенные карты). Не является секретом, у кого заимствовали авторы эти утверждения. Нашими историками уже давно были преодолены эти заплесневевшие взгляды, выдвинутые в 30-х годах японскими официальными учеными.

Иностранные авторы, конечно, могут не иметь глубоких знаний об археологии первобытно-общинной эпохи в Корее. Однако в случае неизбежного использования чужих книг следует выбирать их, проверив прежде всего год издания.

Тем более нужен такой подход к археологическим материалам. Наши археологи уже давно похоронили эти устарелые взгляды, выдвинутые японцами в 30-х годах. Для корейской археологии десятилетия являются долгими сроками.

Наши археологи нашли в стране остатки палеолита, доказали, что после палеолита неолит длился с 5-го тысячелетия до конца 2-го тысячелетия до нашей эры. То, что в этот период наша страна была населена людьми повсюду, давно уже всем известный факт.

Далее, наши археологи уже давно систематизировали периоды существования самобытных бронзовой и железной культур в Корее. Однако и в этом отношении «Всемирная история» переняла устаревшую «теорию о медно-каменном веке» (№ 69), выдвинутую японцами в стародавние времена. Утверждаемый японскими учеными «энеолит» означает эпоху, когда люди одновременно употребляли металлические и каменные орудия в результате проникновения передовой металлической культуры извне, причем большинство коренных жителей пользовалось каменными орудиями, а верхушка применяла металлические предметы роскоши, ритуальную утварь и пр.

В конечном итоге эти люди пытались объяснить исторические факты вздорной теорией внешних факторов, подобной

«теории миграции культур», утверждающей, что якобы металлическая культура в этом восточном районе началась под влиянием китайской цивилизации. Наши археологи доказали, что металлическая культура Кореи имеет самобытное начало и что в нашей стране начали употреблять железные орудия не позже, чем в Китае.

Китайский ученый Фань Вэнь-лань (№ 70) писал: «Иероглиф, означавший железо, писался в древности Щ. , поэтому металлическое искусство первыми изобрели дикие племена (№ 71) Востока, а ханьские племена переняли у них» («Краткий очерк истории Китая». Т. 1, стр. 182. Издание Народного издательства. 1955 г.). Здесь следует понимать, что в число восточных диких племен входил Древний Чосон.

Теория внешних факторов составителей корейских разделов «Всемирной истории» явилось последовательной идеей этой книги. Утверждение о том, что развитие в Когурё архитектуры, скульптуры и живописи связано с проникновением буддизма (Т. III, стр. 48), является ярким примером к тому. Каждый, кто хотя бы раз видел строительное искусство гробниц Когурё и тему их фресок, сразу заметит почти полное отсутствие буддийского колорита.

В изложении истории нового времени «Всемирная история» допустила еще одну серьезную ошибку, умолчав международное значение Октябрьской революции и ее влияние на народы колониальных и зависимых стран Востока.

При описании Первомартовского народного восстания 1919 года «Всемирная история» ограничивается лишь общими словами о влиянии Октябрьской революции, в то же время односторонне преувеличивает роль буржуазных националистов, которые с первого же дня встали па путь предательства.

Кроме того, политического деятеля середины XIV века Син Дона (№ 72) именуют Син У (№ 73) (Т. III, стр. 538) или утверждают, что гора Кувольсан (№ 74) находится меж-

ду провинциями Хванхэ и Кенги (Т. IV, стр. 687), словно составителям «Всемирной истории» дано право по своему усмотрению перебрасывать корейские горы с одного места на другое, или же нелепо пишут будто Тэвонгун возглавлял «северную группировку» (Т. VI, стр. 442). Не будем приводить все примеры допущенных ошибок.

Все это только говорит о том, насколько у авторов «Всемирной истории» отсутствуют элементарные понятия об истории Кореи, насколько они безответственно и легкомысленно относятся к ней.

* * *

Выше рассмотрены некоторые важнейшие ошибки, допущенные при изложении истории Кореи во «Всемирной истории». Указанные нами многочисленные ошибки «Всемирной истории» почти все грубо искажают исторические факты.

Каким образом допущено так много ошибок? Авторы, не знающие истории Кореи, не опирались на книги, на которые нужно опираться, а опирались на старые печатные издания японских захватчиков и исторические книги колонизаторов, более того они списывали оттуда полностью в том виде, в каком там преподносится читателям. Поэтому многие исторические факты искажены до абсурда.

Мы очень сожалеем, что во «Всемирной истории», изданной от имени Академии наук СССР, допущено так много серьезных ошибок, и опасаемся, что ошибочные взгляды в отношении нашей истории вместе со «Всемирной историей» широко распространятся в разных странах мира.

Мы находим, что в условиях, когда империалисты и их официальные историки серьезно извращают и фальсифицируют историю прошлого народов многих стран, советские историки должны придерживаться народной позиции, позиции поистине серьезного отношения к истории всех народов. Только таким образом наша историческая наука, как и все отрасли общест

венных наук, может стать наукой, ведущей борьбу с буржуазной исторической наукой, стать мощным оружием идеологической борьбы, разоблачающим и сокрушающим все ее извращения и фальсификации.

Мы ожидаем от авторов «Всемирной истории» серьезного и ответственного отношения к нашим замечаниям по поводу серьезных ошибок, имеющихся в их изложении истории Кореи.

Мы надеемся, что Академия наук СССР примет действенные меры, чтобы предотвратить ущерб, который понесут читатели «Всемирной истории» из-за вышеуказанных ошибок.

1	管子	2	齊	3	史記
4	魏略	5	否	6	準
7	滿	8	右渠	9	漢書
10	相	11	大夫	12	博士
13	將軍	14	禮	15	琵琶
16	豪民	17	下戶	18	辰國
19	箕子	20	紂	21	周
22	武	23	胥餘	24	洪範
25	尙書	26	詩經	27	晉
28	杜預	29	蒙縣	30	尙書大傳
31	宋微子世家	32	朝鮮列傳	33	聖人
34	沸流	35	荐人	36	小國
37	樂浪	38	任那日本府	39	任那
40	關野	41	日本書紀	42	古事記
43	新撰姓氏錄	44	七支刀	45	天子
46	侯王	47	辻	48	大和
49	伊勢	50	出雲	51	山陰

52	北陸	53	播磨	54	山陽道
55	宰	56	高向玄理	57	旻
58	靖安	59	國博士	60	多夜加
61	海東盛國	62	富商大賈	63	劉大致
64	吳慶錫	65	金玉均	66	洪英植
67	小笠原	68	井上	69	金石併用期
70	范文瀾	71	夷族	72	辛旽
73	辛禑	74	九月山		